

УДК 340.1
doi:10.35853/vestnik.gu.2024.12-4.06
5.1.1.

Логика права в трудах Сергея Сергеевича Алексева

Елена Владимировна Чернигова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия,
<https://orcid.org/0000-0003-3057-9685>

Аннотация. Статья посвящена исследованию логики права в работах Сергея Сергеевича Алексева. Автором рассмотрены причины обсуждения и обоснования особой правовой логики, ее соотношение с формальной логикой. Во-первых, логика права может быть обусловлена тем, что юриспруденция, в отличие от иных социогуманитарных наук, работает преимущественно не с категорией «сущее», а с категорией «должное». В первую очередь, норма права не информирует о том, что есть, но предлагает возможную или предписывает необходимую модель поведения адресату этой нормы. Эту «особую правовую логику» следовало бы назвать логикой деонтической, изучающей нормативные понятия («дозволено» «обязательно», «запрещено»), а также связи нормативных модальностей. Во-вторых, правовая логика выражена в особых правовых связях, проявляющихся на уровне догмы права. К таким правовым связям следует отнести связь между нормой права и возникшим правоотношением, корреспондирование субъективных прав и юридических обязанностей в рамках одного правоотношения, связь элементов в механизме правового регулирования. Отдельного внимания заслуживает возможность рассмотрения правоприменительного процесса в форме логического силлогизма. В-третьих, по мнению С. С. Алексева, именно субъективные права выступают центром структуры права, вокруг которого создается правовая логика. Доказательством этого служат юридические конструкции (разные виды исков, обязательств), элементы которых выстраиваются определенным образом с тем, чтобы благоприятствовать реализации прав участников правоотношений.

Ключевые слова: логика права, деонтическая логика, догма права, субъективные права, юридические конструкции

Для цитирования: Чернигова Е. В. Логика права в трудах Сергея Сергеевича Алексева // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12, № 4. С. 82–89. DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12-4.06.

The Logic of Law in the Works of Sergey Sergeevich Alekseev

Elena V. Chernigova

Tyumen State University, Tyumen, Russia,
<https://orcid.org/0000-0003-3057-9685>

Abstract. This article presents a detailed study of the logic of law as it appears in the works of Sergey Sergeevich Alekseev. This paper considers the rationale for the justification of special legal logic and its correlation with formal logic. Firstly, the logic of law may be attributed to the fact that, in contrast to other socio-humanitarian sciences, jurisprudence primarily operates with the category of “due” rather than the category of “being”. In the first place, a rule of law does not simply inform what is, but rather suggests a potential or prescribes a necessary pattern of behaviour for the addressee of that rule. This “special legal logic” is more accurately described as deontic logic, which examines normative notions (such as “allowed”, “obligatory”, and

“prohibited”) as well as the relationships between different normative modalities. Secondly, legal logic is expressed in the form of specific legal connections, which are manifested at the level of the dogma of law. The connection between the rule of law and the legal relationship that has arisen, the correspondence of subjective rights and legal obligations within the framework of one legal relationship, and the connection of elements in the mechanism of legal regulation can be attributed to such legal ties. It is worthy of particular consideration that the law enforcement process can be viewed and analysed through the medium of a logical syllogism. Thirdly, S. S. Alekseev posits that it is subjective rights that act as the centre of the structural basis of the law, around which the legal logic is created. This is evidenced by the specific arrangements made within legal constructs (including the types of lawsuits pursued and the associated obligations) which are designed to facilitate the realization of the respective rights of all those engaged in a given legal relationship.

Keywords: logic of law, deontic logic, dogma of law, subjective rights, legal constructs

For citation: Chernigova EV. The Logic of Law in the Works of Sergey Sergeevich Alekseev. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2024;12(4):82-89. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2024.12-4.06.

Попытка обоснования особой правовой логики, отличной от логики формальной, была предпринята еще Рудольфом фон Иерингом в его работе «Юридическая техника» 1905 года. Тема юридической техники, особой правовой логики актуальна и в наши дни. По всей видимости, негаснущий интерес к обсуждению логики права обусловлен желанием юристов подчеркнуть особенности юридического мышления, обосновать самостоятельность и уникальность юридического научного знания.

Р. Иеринг, развивая идеи об особой правовой логике, подчеркивал, что «юридическое мышление и мышление не-юристов находятся между собой в крайнем противоречии» [Иеринг 1905, с. 9], а юристов зачастую обвиняет в неестественном взгляде на вещи и отсутствии здравого смысла. Иеринг отметил, что при оценке права решающим моментом выступает не абстрактное содержание правовых предписаний, а то, как право осуществляется, а потому вопрос технического совершенствования права становится ключевым в его работе. К приемам технического совершенствования автор отнес юридический анализ (алфавит права), логическую концентрацию и юридические конструкции.

Не останавливаясь подробно на аргументации Иеринга по поводу отличительных особенностей вышеназванных приемов (рассмотрение анализа как азбуки и конструкции как юридического тела), следует отметить, что подобные методы исследования известны другим наукам и сводятся, в конечном итоге, к анализу, синтезу и конструкции. Предложенные Иерингом законы построения юридической конструкции, такие как закон совпадения с положительным материалом, закон непротиворечия и закон красоты, будут не чужды и представителям иных наук с одной оговоркой. Конструкция никогда не совпадает полностью с положительным материалом и, пожалуй, не может с ним полностью совпасть, в противном случае она неминуемо превратится из идеальной модели в описание. Конструкция – это сложное отражение явления в сознании, воспроизводящее лишь часть его свойств и функций, необходимых для достижения целей конструирования. Для корректного конструирования научной модели необходимо проведение аналитической работы, т. е. исследование избранных свойств объекта, формирование представлений об этих свойствах. С этой целью представления об объекте должны быть подвергнуты анализу, разложению их на составные элементы, из различных комбинаций которых составляется все разнообразие идей известного рода. Затем полученные посредством анализа общие элементы представлений необходимо комбинировать (синтезировать) так, чтобы идеальное построение было не простой копией действительности, а необходимой для целей науки и практики конструкцией. Как видим, конструирование не является исключительным приемом юриспруденции, оно в равной степени свойственно наукам естественным и социогуманитарным, с тем лишь

исключением, что референта исследуемого объекта в социогуманитарных науках, к которым относится и юриспруденция, найти крайне затруднительно.

Порожденная во многом идеями Иеринга, возникает дискуссия относительно того, применима ли формальная логика в юриспруденции. Согласно первой позиции, право может быть исследовано средствами формальной логики, особой правовой логики не существует (см.: [Коркунов 2010, с. 444–447; Алексеев Н. Н. 1999, с. 21–25; Черданцев 2012]). Другая позиция, поддерживаемая С. С. Алексеевым, заключается в обосновании особой логики права, которая «выражает закономерности его бытия и функционирования, раскрывающихся непосредственно в правовой материи» [Алексеев С. С. Тайна права ... 2001, с. 40] (см. также: [Иеринг 1905, с. 46–52; Кашанина 2008]). В юридической литературе можно встретить критику данной позиции, а потому важно понять, противоречит ли идея об особой логике права требованиям применения в праве формальной логики, или же, напротив, данная позиция позволяет конкретизировать и лучше понять особенности осмысления правовой реальности.

Право как мир должного

С. С. Алексеев писал, что «позитивное право – это логическая система, которая должна соответствовать требованиям формальной логики или, шире, – математической (символической) логики... методы, используемые в аналитической юриспруденции, предметом которой и является догма права, близки к тем, которые относятся к математической логике» [Алексеев С. С. Тайна права ... 2001, с. 59–60]. Вместе с тем ученый подчеркивал, что праву присуща особая логика права, выражающая закономерности его бытия и функционирования. Эта особая логика обусловлена тем, что юриспруденция, в отличие от иных социальных сфер, работает преимущественно не с категорией «сущее», а с категорией «должное». Правовое предписание логически не следует из представлений о действительности и не говорит о том, что есть, хотя в определенном смысле мы можем воспринимать норму права как информацию об историческом периоде, уровне развития правовой культуры и юридической техники в обществе. Однако, в первую очередь, норма права не информирует о том, что есть, но предлагает возможную или предписывает необходимую модель поведения адресату этой нормы. В этом смысле право – не просто явление из мира сущего, а сила, устремленная в будущее, мир долженствования. И эту «особую правовую логику» правильнее было бы назвать логикой деонтической, широко используемой в праве наряду с логикой формальной.

С помощью деонтической логики возможно изучить нормативные понятия («дозволено» «обязательно», «запрещено»), а также связи нормативных модальностей. Деонтические модальности как раз представляют собой высказывания, содержащие запрет, обязывание или дозволение. Особенность деонтической логики особенно ярко проявляется при анализе слова «необходимость». Говоря о праве, деонтически (нормативно) необходимо то, что предписано нормой и обеспечивается принудительной силой государства, в то время как объективно (онтологически) то или иное нормативное предписание может не быть таковым. Так, Н. Н. Алексеев отмечал, что право менее необходимо по сравнению с миром естественных вещей [Алексеев Н. Н. 1999, с. 21]. Этим объясняется факт существования разных правовых систем, отличающихся по источникам права, видам, характеру и содержанию правовых норм.

Сам юридический язык, испытывая на себе влияние деонтической логики, используется не для описания действительности, а для изменения ее, изменения правового положения лиц, т. е. выполняет прескриптивную функцию. А. Ф. Черданцев справедливо отметил, что «прескриптивная функция языка – это одна из разновидностей его прагматической функции, осуществляя которую язык выступает мощным средством воздействия на поведение людей» [Черданцев 2012, с. 81]. Такая функция юридического языка отличает его от языка художественной литературы или публицистики, который стремится описать мир, дать ему оценку, обозначить что-либо как истинное или ложное. В качестве примеров отражения прескриптивной функции юридического языка

можно привести следующие: «договор вступает в силу и становится обязательным для сторон с момента его заключения» (ч. 1 ст. 425 Гражданского кодекса РФ); «имущество гражданина, признанного безвестно отсутствующим, при необходимости постоянного управления им передается на основании решения суда лицу...» (ч. 1 ст. 43 Гражданский кодекс РФ) и т. д.

С. С. Алексеев подчеркивал, что исключительное своеобразие мира права заключается в том, что долженствование приобретает здесь особый характер [Алексеев С. С. Тайна права ... 2001, с. 41]. Действительно, уникальность правовой подсистемы общества, в отличие от иных подсистем (научной, религиозной, экономической, политической), заключается в интенции права сконструировать социальные отношения такими, какими они должны быть, а затем перевести «должное» в ожидаемое «сущее» с помощью средств правового регулирования. По мнению С. С. Алексеева, именно благодаря правовому долженствованию в обществе формируются институты правоохраны и правосудия [Там же, с. 42].

Как справедливо отметил С. С. Алексеев, право, являясь миром должного, призвано к регулированию общественных отношений, ориентировано на практическую реализацию. Это свидетельствует о том, что право имеет дуальную природу, для мира права характерна такая реальность, «сущее», которая выражена в форме закона, связанного с бытием позитивного права [Алексеев С. С. Восхождение к праву ... 2001, с. 362].

Существующие в праве логические связи, механизмы, конструкции призваны целенаправленно вести от мира должного к миру практической реализации правовых предписаний, приводить к такой реальности, где «реализуются достоинства юридической формы, ее способность обеспечить строгую определенность складывающихся отношений, их прочность и надежность» [Алексеев С. С. Восхождение к праву ... 2001, с. 363].

Уровень догмы права

Правовая логика, выраженная в особых правовых связях, по мнению С. С. Алексеева, проявляется на уровне догмы права. Примером такой правовой связи является связь между нормой права и возникшим правоотношением. Известно, что при возникновении юридического факта, предусмотренного нормой права, субъекты права становятся участниками конкретного правоотношения с соответствующими правами и обязанностями [Алексеев С. С. Восхождение к праву ... 2001, с. 357].

Интересен в данном случае и процесс применения права, когда правоприменитель сначала анализирует фактические обстоятельства дела, затем находит норму права, подлежащую применению при возникших обстоятельствах, и выносит решение. Кажется бы, процесс применения права возможно представить в виде логического силлогизма, который лежит в основе традиционного дедуктивного способа рассуждения. В случае применения права к фактам можно предположить, что большей посылкой будет норма права, меньшей – фактические обстоятельства дела, а заключением – решение правоприменителя. Однако то, что на первый взгляд выглядит стройным в теории, может вызвать затруднения на практике. Так, может возникнуть сомнение относительно того, что же в действительности, в конкретной ситуации, способно выступить большей посылкой. К тому же весьма затруднительно установить полное соответствие между большей и меньшей посылкой в правоприменительной деятельности, отсутствуют критерии установления такого соответствия. Во многом фактические обстоятельства будут иметь значение для дела и, соответственно, будут подведены под правовую норму в зависимости от того, как юрист интерпретирует саму норму права и известные ему факты.

Если в логическом силлогизме большая и меньшая посылка истинны и приводят к единственно верному выводу, то в условно называемом юридическом силлогизме норма права, как большая посылка, не обладает критерием истинности изначально, так как правовая норма – это не суждение о сущем, которое можно подтвердить или опровергнуть, но всегда предписание, устремленное в будущее, конструирующее поведение

лиц как должное. Более того, фактические обстоятельства каждого дела уникальны, не всегда их с легкостью можно подвести под ту или иную норму.

Возьмем в качестве примера ст. 1064 ГК РФ, применяемую судами в случае причинения вреда здоровью пациента при нарушении качества оказания медицинской услуги. Для применения статьи необходима совокупность условий, а именно причинение вреда здоровью, противоправность действия (бездействия) медицинского учреждения, причинно-следственная связь между действием (бездействием) и наступившим вредом, вина медицинского работника. Вместе с тем на решение суда (подведение фактов под норму права) могут повлиять такие обстоятельства, как сокрытие пациентом от лечащего врача анамнеза, несоблюдение рекомендаций врача, прием препаратов, провоцирующих неблагоприятное течение заболевания, отсутствие прямой причинно-следственной связи между действием (бездействием) врача и наступившими последствиями и т. д. Очевидно, что процесс реализации и применения права не всегда может быть представлен в виде логического силлогизма, а само право не обязательно строится на законе причинности, при котором одно обстоятельство с неизбежностью приводит к наступлению указанных следствий.

Для понимания логики права отдельного внимания заслуживает связь субъективного права и юридической обязанности в рамках одного правоотношения. С. С. Алексеев справедливо отмечает, что «подобная связь между юридической возможностью в виде правомочия требования, с одной стороны, а с другой – обязанности к определенному поведению вообще не может быть подведена под разряд известных связей, которые имеют “просто” формально-логический характер» [Алексеев С. С. Восхождение к праву ... 2001, с. 358]. Действительно, в правовом отношении субъективное право и обязанность принадлежат разным лицам и корреспондируют друг другу. Если одно лицо имеет право требования, то другое лицо должно исполнить юридическую обязанность, которая не может возникнуть в отсутствие этого права. Реализация субъективного права невозможна без такой корреспонденции. В целом, «коррелият “правомочие / долженствование”, “субъективное право / юридическая обязанность” является индикатором правовой коммуникации, ее основанием» [Пономарева 2020, с. 53].

Субъективные права – узловой центр структуры права.

Логика высокого порядка

По мнению С. С. Алексеева, новый уровень логики права открывается в движении права, где отдельные правовые явления, сцепляясь, начинают работать вместе для того, чтобы юридически должное стало правовой реальностью [Алексеев С. С. Тайна права ... 2001, с. 43]. Прекрасным примером такого движения права служит конструкция механизма правового регулирования. Так, норма права воплощается в жизнь с возникновением юридического факта, в свою очередь служащего своего рода «рычагом» для возникновения правоотношения, в рамках которого участники этого правоотношения реализуют субъективные права и юридические обязанности. Ученый подчеркивает, что особая правовая логика запускает работу механизма, движение одного звена за другим. Таким образом, любая правовая конструкция не просто отражает действительность, «подсвечивает» сущностные характеристики исследуемого объекта, но, так же как и правовое предписание, устремлена в будущее, обладает интенцией формирования должного порядка.

Вместе с тем С. С. Алексеев увидел некую парадоксальность правовой реальности, связанную с тем, что правовое долженствование охватывает не только такие средства правового регулирования, как обязывания и запреты, но и дозволения, юридические возможности. Это, по мнению ученого, и составляет тайну права. С. С. Алексеев пишет, что «правовая материя так “построена”, что само ее существование и функционирование связаны именно с субъективными правами участников общественной жизни – правами отдельных субъектов» [Алексеев С. С. Тайна права ... 2001, с. 45]. Субъективные права, юридические возможности – это своего рода центр структуры

права, вокруг которых выстраивается правовая логика. Об этом красноречиво свидетельствуют юридические конструкции (разные виды исков – негаторный, виндикационный, обязательств – солидарное, субсидиарное), элементы которых выстраиваются определенным образом с тем, чтобы благоприятствовать реализации прав участниками правоотношений [Алексеев С. С. Тайна права ... 2001, с. 47].

Мы знаем, что один из важных признаков права – это его обеспеченность государственным принуждением. На первый взгляд может показаться, что право самым тесным образом связано с государственной монополией на применение силы, а потому исключает всякую свободу личности. Вместе с тем государственное принуждение призвано обеспечить защиту субъективного права, принудить правонарушителя к исполнению юридической обязанности в интересах пострадавшего лица (взыскание долга, возмещение причиненного ущерба).

С. С. Алексеев называет особенность построения всех элементов правовой материи вокруг субъективных прав – логикой высокого порядка. Ученый отмечает, что другие важные компоненты права (юридические обязанности, запреты, правовая ответственность, процессуальные формы деятельности и др.) при всем их значении для целей правового регулирования имеют, вместе с тем, подчиненный характер, ориентированный на права субъектов.

В сущности, интенция права на закрепление свободы личности, создание всех необходимых условий, чтобы в праве человек обрел свой разум, не всегда находила полноценное воплощение. Государства с антидемократическим политическим режимом препятствуют реализации потенциала права, его «заряженности» на закрепление и реализацию субъективных прав, искажают саму сущность и назначение права, позволяют праву реализоваться в деформированном виде, противоречащем моральным и этическим нормам. Однако, если обратить внимание на закономерности развития права, идею его поступательного движения, нельзя не отметить развитие государственно-правовых форм от тотальной несвободы к свободе всех, основанной на принципе формального равенства¹. Данная идея нашла отражение еще в работе Г. В. Ф. Гегеля «Философия права», где всемирная история представлена в форме четырех сменяющихся исторических царств – восточного, греческого, римского и германского. Эти царства, по мысли Гегеля, представляют собой исторические формы мирового духа, т. е. развитие идеи свободы во всемирной истории от государственно-правового состояния, где свободен один (суверен, верховный правитель) к государственно-правовому состоянию, где свободен каждый [Гегель 1990, с. 370].

Рассматривая характеристики моделей правового регулирования, С. С. Алексеев справедливо подчеркивает, что наиболее эффективной оказывается не обязывающая, а диспозитивная модель построения правовых средств, так как она включает в решение социальных задач интерес участников общественных отношений [Алексеев С. С. Восхождение к праву ... 2001, с. 369].

Итак, собственная логика права, по мнению С. С. Алексеева, заключается именно в том, что центром правовой материи выступают субъективные права. Именно эта особенность права является ключевой, предопределяющей пределы и перспективы использования его в жизни.

Характеризуя средства правового регулирования, переводящие «должное» в реально воплощенное, С. С. Алексеев особо подчеркивает, что стержень правовой материи образует «троица» – обязывания, запреты и дозволения, где дозволения занимают центральное место и предопределяют, тем самым, феномен субъективного права [Алексеев С. С. Восхождение к праву ... 2001, с. 371]. «Заряженность» права на то, чтобы должное стало осуществленным в правовом поведении субъектов, создается не столько юридическими санкциями, сколько, в первую очередь, надлежащим обеспечением пра-

¹ Здесь необходимо оговориться, что это касается в первую очередь государств, унаследовавших западную традицию права.

вового положения субъектов, высокого уровня правовых гарантий, необходимых для фактической реализации дозволений в праве.

Исследование логики права в том ключе, в котором ее понимал С. С. Алексеев, важно для современной юриспруденции. Признание существования правовой логики, изучение ее особенностей отнюдь не должны приводить к отрицанию формальной логики, применимой в юриспруденции, а также к ложным выводам о том, что у юристов может быть своя особая дедукция или особый юридический анализ, недоступный для понимания людей, не имеющих юридического образования. Идеи выдающегося ученого о логике права в большей степени посвящены особенности права, не описывающего мир, не констатирующего его как сущее, а конструирующего его как должное, возможное. Правильно определить логику права как логику деонтическую, согласно которой необходимо только то, что предписано нормой права, в то время как объективно (онтологически) то или иное нормативное предписание может таковым не являться. С. С. Алексеев очень точно подметил «заряженность», устремленность правовой материи в будущее с тем, чтобы затем перевести, воплотить правовые предписания в жизнь при помощи средств правового регулирования.

Великий русский юрист показал, что реализация права, его воплощение в жизнь намного сложнее и многограннее, чем это может показаться в теории. Сам процесс применения права представим в виде логического силлогизма с некоторыми оговорками, поскольку не всегда очевидно, что является большей и меньшей посылкой в конкретном правовом казусе, более того, эти посылки не обладают критерием истинности, а вывод зачастую зависит от аргументации правоприменителя. Некоторые правовые связи и вовсе невозможно объяснить с помощью формальной логики. В первую очередь речь идет о корреспонденции субъективных прав и юридических обязанностей участников правоотношения, определяющей в целом основы правовой коммуникации в обществе.

Наконец, определение субъективных прав как центрального элемента структуры предопределяет отношение человека к праву как ценности, способствуют закреплению правовых возможностей, индивидуальных притязаний, презюмирует гарантию реализации правовых интересов, свободы и творческой активности человека. Понимаемая в таком смысле логика права призвана стать ориентиром для правоприменительной практики и правовой политики.

Список источников

- Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб. : Лань, 1999. 251 с.
- Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Норма, 2001. 752 с.
- Алексеев С. С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность. М. : Норма, 2001. 176 с.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права : пер. с нем. М. : Мысль, 1990. 524 с.
- Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. СПб., 1905. 106 с.
- Ильин И. А. Понятие права и силы. (Опыт методологического анализа) // Ильин И. А. Теория права и государства. Изд. 2-е, доп. М. : Зерцало, 2008. С. 92–111.
- Кашанина Т. В. Логика права как элемент юридической техники // Журнал Российского права. 2008. № 2 (134). С. 25–35.
- Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / сост., автор вступ. ст., коммент. А. Н. Медушевский. М. : Российская политическая энциклопедия, 2010. 520 с.
- Пономарева Е. В. Феномен квазисубъекта права: вопросы теории : монография. М. : Юрлитинформ, 2020. 160 с.
- Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2012. 320 с.

Информация об авторе

Елена Владимировна Чернигова, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия).

Information about the author

Elena V. Chernigova, Tyumen State University (Tyumen, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 10.10.2024.

Одобрена после рецензирования | Revised 27.10.2024.

Принята к публикации | Accepted 28.10.2024.